

Они думали,
что управляют хаосом.
Но у хаоса – её лицо

Анна Сапочкина

Цена
неудобного
вопроса

18+

Анна Сапочкина

Цена неудобного вопроса

<https://litres.ru/74138477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Слоган: Они думали, что управляют хаосом. Но у хаоса было её лицо.

Великая Страна содрогнулась от серии разрушительных, безупречно синхронизированных ударов в разных часовых поясах. Пока планета застыла на пороге Третьей мировой войны, а миллионы обычных людей пытаются выжить в атмосфере тотального страха, спецслужбы заходят в тупик. Это не просто теракт. Кто-то разыгрывает изощренную, глобальную шахматную партию, где фигуры — целые государства.

Распутать паутину лжи поручено опытному разведчику Егору Маркову. Погружаясь в расследование, он понимает: те, кто считает себя кукловодами этой катастрофы, сами оказались послушными марионетками. Сценарий переписан на ходу, а следы ведут туда, где их никто не искал — в глубокое прошлое.

Егору предстоит выяснить, кто перехватил управление миром. И какова цена неудобного вопроса двадцатилетней давности?

Переписанный, отредактированный роман "Атака" с новым захватывающим финалом. Драма вплетённая в политический триллер.

Содержание

Часть первая. Пасть дьявола	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	41
Часть вторая. Реакция	54
Глава 1	54
Глава 2	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Сапочкина

Цена неудобного вопроса

«В геополитических играх тайных обществ пешками становятся все — от президентов до простых граждан. Но величайшая ошибка кукловодов — забыть про ту, чье сердце они превратили в пепел. Ведь женщина, которой нечего терять, способна сжечь мир до основания ради одной идеальной мести».

Анна Сапочкина

Часть первая. Пасть дьявола

Глава 1

Москва. Театр "Виктория".

Звуковая волна от гитарных процессоров била прямо в грудь, заставляя ребра вибрировать в такт безумному барабанному соло. Зал театра «Виктория», рассчитанный на полторы тысячи мест, сегодня напоминал бурлящий, живой океан. Тысячи рук были вскинuty вверх, свет софитов резал полумрак неоновыми вспышками, а вокалист на сцене хрипло выкрикивает строчки очередного хита.

Егор Марков стоял у кирпичной колонны в глубине танцевального партера, чуть в стороне от безумствующей толпы. Он пришел сюда не ради музыки — просто обещал другу, который играл на разогреве, что заглянет. На Егоре были простые джинсы и обтягивающая черная водолазка, но даже в этой расслабленной обстановке его взгляд оставался прежним — профессионально сканирующим пространство. Привычка, которую не вытравить годами службы в разведке: подсознательно фиксировать выходы, просчитывать плотность толпы и оценивать слепые зоны.

Музыка оборвалась внезапно, на самой высокой ноте.

Зал взревел, требуя продолжения, но софиты не просто погасли — они выключились полностью, погрузив огромный зал в абсолютную, неестественную темноту. Аварийное освещение над дверями даже не успело вспыхнуть.

Егор замер. Часы на руке зафиксировали 20:30. Обычный зритель списал бы это на технический сбой, но Марков почувствовал, как по затылку пробежал резкий холодок. Секунду назад он краем глаза наблюдал за двумя сотрудниками внутренней охраны у VIP-прохода. За мгновение до того, как погас свет, они оба одновременно сорвались с мест и почти бегом скрылись в служебном коридоре. Они знали.

А затем грохнуло.

Звук пришел не со сцены. Тяжелый, глухой удар, от которого вздрогнул бетонный пол под ногами, раздался со стороны главного вестибюля. За ним сразу же последовал вто-

рой — ближе, в районе правого крыла бельэтажа. Это была не пиротехника. Этот характерный, резкий хлопок с последующим звоном рассыпающегося в пыль закаленного стекла Егор ни с чем бы не перепутал. Пластид.

Толпа в партере еще секунду тупо молчала, не понимая, что происходит. Кто-то весело свистнул, решив, что это спецэффекты.

— Внимание! Всем быстро покинуть здание! Срочно! Поднимайтесь, бегите! — во всю глотку закричал Егор, рванув наперерез людскому потоку.

Он подхватил за шиворот упавшую девушку и силой потащил её прочь от завала. Она рыдала, билась в истерике, метаясь и мешая идти. Мужчина жестко перехватил её лицо ладонями, заставляя посмотреть себе в глаза, и проорал прямо в лицо:

— Беги! Скорее! К выходу!

Она испуганно кивнула и бросилась к техническому выходу. Мужчина остался в самом эпицентре ада. Он на ходу перехватывал обезумевших людей и буквально швырял их в нужную сторону, координируя этот кошмар. Вокруг стоял оглушительный рев, сквозь густой дым и адские крики невозможно было разобрать происходящее. Всё, что он знал на сто процентов: оставаться здесь — верная смерть.

У большинства в зале в голове царил хаос. Первобытный, дикий страх: *вот сейчас я умру, сейчас случится самое ужасное, я лишусь жизни!* Одни неслись сломя голову, сби-

вая всё на своём пути. Кто-то падал, не выдерживая бешеного темпа, и по ним, не замечая, бежали другие. Начинаясь смертельная давка. Мужчина пытался вернуть толпе хоть какое-то равновесие, но звуки выстрелов лишь усиливали всеобщую панику.

Никто не хотел умирать сегодня. Они пришли сюда совсем не за этим. Это должен был быть обычный пятничный вечер. Отдых от серых будней, злых боссов, требовательных начальников и домашних обязанностей. Чья-то секретная встреча с любовником, первое свидание, редкие часы, проведенные с тяжелобольной мамой — что угодно, но только не этот ад.

Вдруг раздался резкий, оглушительный взрыв. В голове моментально загудело, сознание на секунду поплыло от контузии. Дыма стало еще больше, едкий газ сдавливал легкие, и каждый следующий вдох давался с огромным трудом. Егор яростно встряхнул головой, собирая силы в кулак, и поднялся на ноги.

Сквозь пелену гари он увидел женщину с ребенком. Шатаясь, добрался до них, мертвой хваткой вцепился в плечи и увлек за собой.

— За мной! Сейчас всё обрушится, пора уходить! Идти можешь?! — прокричал он женщине.

Она утвердительно кивнула. Девочка у нее на руках была без сознания. *«Позже сделаю ей искусственное дыхание, сейчас главное — вырваться. Еще пара минут, и потолок*

рухнет. Чёрт! Я умру где угодно, но не здесь. Не сегодня».

Рванув вперед, он помчался к техническому коридору. На плече у него висела обмякшая девчушка, а в кулаке он намертво сжимал руку ее матери. Вперёд! К выходу! Не выпуская их ни на секунду, он пробивался сквозь огонь наружу.

Вот он — спасительный проем. Они вырвались.

Навстречу им сразу хлынул оглушительный вой сирен, замелькали проблесковые маячки пожарных машин, скорых и военных грузовиков. Отбежав на безопасное расстояние от пылающего здания, мужчина без сил рухнул на колени прямо на сырой асфальт. Он аккуратно положил девочку перед собой, припал ухом к груди — дыхание было слишком слабым.

Не теряя ни секунды, он рванул на ней замок куртки и начал делать непрямой массаж сердца вперемешку с искусственным дыханием. Раз, два, три, вдох... Еще раз.

Спустя несколько мучительных секунд девочка резко вздрогнула и судорожно закашлялась, хватая ртом свежий воздух. Мать упала на колени рядом и, рыдая в голос, мертвой хваткой обняла дочь.

— Спасибо! Спасибо вам! — причитала она, укачивая на руках свою малышку.

Мужчина слабо, одними губами улыбнулся и снова повернулся в сторону пылающего входа в театр. Там, внутри, всё еще оставались люди. Сквозь рёв пламени он отчетливо слышал их истошные крики, бешеный вой и мольбы о спасении.

Он отчаянно хотел помочь, вернуться туда, но тело физически отказывалось подчиняться — силы были на исходе. И всё-таки Егор поднялся и молниеносно помчался к входу в театр.

Вдруг кто-то резко схватил его за плечо, одернул. Это был один из спасателей МЧС.

— Вы куда, мужчина?! Скорые вон там, идите к машинам, вам нужна помощь!

Егор упрямо мотнул головой, но взгляд его на секунду остекленел. Сознание, измученное контузией, дымом и ад-реналином, дало сбой. Окружающая реальность поплыла, и вместо площади перед театром «Виктория» он внезапно увидел совсем другое место.

Вспышка памяти перенесла его на годы назад. Вот он стоит посреди настоящего поля боя. Вокруг в грязи и крови умирают его ребята. Кто-то с оторванной взрывом рукой, кто-то без ноги, у кого-то хрипит простреленное легкое, а кто-то после артобстрела усыпан торчащими из тела осколками. Ад. Настоящая преисподняя. Когда-то именно так выглядел его обычный рабочий день. Именно так он терял своих товарищей и близких друзей — изо дня в день. Кровь, стоны, раненые звери, оружие во всю глотку от невыносимой боли...

Тогда он тоже рвался помочь, но не мог спасти всех. Он вымещал эту беспомощность в бою: мочил врагов, не щадя себя, шел напролом под шквальным огнём. А потом кар-

тинка всегда меркла. Он оставался один в глухой, звенящей тишине — посреди бескрайнего моря крови и изувеченных тел. В этих кошмарах он задыхался, тонул, холодные руки мертвецов тянули его на самое дно. Но он каждый раз упрямо поднимался и снова рвался вперёд. Во имя павших парней, во имя Родины, во имя хрупкого мира, который он поклялся защищать, и своей семьи, которую он когда-то оставил.

Егор резко открыл глаза, взревел, точно потревоженный зимой медведь, рванул с колен и помчался к зданию. Профессиональное чутьё кричало: он может спасти тех, кто внутри. Он не позволит этим гражданским погибнуть.

Марков пересёк линию ограждения, влетел в двери, жестко протаранил беснующуюся толпу и рывкнул командным голосом, перекрывающим гул:

— Мужики, бьём стёкла! Тащите любые тяжёлые предметы, навалитесь сюда! Женщины, без паники! Именно в панике погибает большинство. Мы все выберемся, слышите меня?! Давай, ребята, работаем!

Вокруг него мгновенно собралось несколько крепких парней — сработал авторитет лидера. Слаженным рывком они вырвали тяжелый металлический столб ограждения и с разбегу пошли на таран. Окна разлетались одно за другим.

— Вперёд! Уводите людей как можно дальше от здания! К машинам скорой! Бегом!

Толпа хлынула через самодельные спасательные выходы.

Егор с группой добровольцев тут же нырнул обратно в полыхающий зал. Там всё еще оставались раненые. В режиме жесткого цейтнота Марков хватал их за руки, за ноги, выдергивал из-под кресел и передавал тем, кто мог идти самостоятельно.

Вдруг раздался глухой хлопок. Плотный, едкий дым мгновенно заволок помещение. Егор бросил быстрый взгляд на потолок — профессиональный анализ конструкции подсказал, что через секунды начнется обрушение. Время вышло, нужно уходить.

В этот момент внизу он заметил шевеление. Девушка билась в истерике над неподвижным телом парня. Разведчик в два прыжка оказался рядом. Секундное движение: парня — на плечо «пожарным способом», девчонку — в охапку подмышку. И на полной скорости — к выходу.

Позади оглушительно заскрежетало железо, посыпались тонны битого стекла, с грохотом повалились перекрытия. Зал накрыло плотным облаком строительной пыли. Слепую, буквально «по приборам» и внутреннему компасу, Марков вылетел на свежий воздух.

Задыхавшись от гари, он сделал глубокий спасательный вдох и дотащил пострадавших до медиков. Сдал раненых в надежные руки профессионалов и обернулся. Всё. Конец. Крыша рухнула, окончательно погребя под завалами то, что еще час назад было современной концертной площадкой и красивым театром. Теперь это лишь горящая, искрящая груда строи-

тельного мусора.

Шансов выжить внутри не осталось. Разве что в подвале, на подземной парковке... В голове Маркова мгновенно развернулся тактический план подземного яруса. Развернувшись на каблуках, он стремительно бросился к оцеплению — к военным.

— Ребята, скорее на подземную парковку! Я знаю, как туда попасть. За мной. Пожалуйста! Там могут быть люди.

Не дожидаясь ответа, он со всех ног бросился к боковому пандусу. На ходу спотыкался, мышцы ныли и отказывались слушаться, но он бежал всем чертям назло. Ему нужно было бороться до самого последнего вздоха. Если есть хоть один шанс спасти еще одну жизнь, он его не упустит.

Несколько военных в тяжелой экипировке бросились следом за ним. Вот и въезд на подземный уровень. Как он и думал — бетонные перекрытия частично обрушились, вход полузавален. Егор, не обращая внимания на летящую в лицо крошку, начал пробираться сквозь обломки стен.

Внутри царила крошечная тьма. Марков на ходу включил фонарик на телефоне, полоснув ярким лучом по задымленному пространству. И тут же до его слуха донеслись глухие крики и плач. Люди были заблокированы.

— Ребята! Мы здесь! Подмога рядом! — во всю глотку проорал Егор, пробиваясь дальше вглубь. — Ау! Эгегей!!!

Потолок этого яруса, к счастью, устоял. Из темноты к лучу фонаря испуганно устремилась целая толпа. Военные тут же

перехватили инициативу, слаженно выводя пострадавших на воздух, но Егор шёл дальше, в самый тупик паркинга. Он вытаскивал раненых из-под покорёженных машин. Кто-то сидел внутри салонов в полном оцепенении, судорожно сжав пальцы на руле и не в силах издать ни звука. Кто-то в панике непрерывно жал на клаксон, заполняя бетонный мешок диким сипением автомобильных гудков.

Егор снова оказался прав. В груди разлилось горячее чувство триумфа — ура! Еще десятки спасенных жизней, которые могли бы задохнуться здесь в дыму.

Гуськом, поддерживая друг друга, люди продвигались по пандусу к выходу. Стоило последнему человеку испуганной тенью выскочить на свежий воздух, как через мгновение за его спиной грохнуло. Тяжелый, глухой скрежет потряс землю, и пандус подземного уровня полностью завалило очередным обрушением того, что еще полчаса назад звалось театром «Виктория».

Снаружи царил хаос. Выбравшиеся на площадь люди находились в глубочайшем шоке. Они растерянно озирались, не понимая масштаб произошедшего. У них дрожали руки, не было сил даже на то, чтобы достать мобильные, позвонить родным и сказать простое: «Я жив». Сегодня у каждого из них был второй день рождения.

Егор тяжело дошёл до ближайшей машины скорой помощи. Он жадно, в несколько глотков выпил, предложенную медиком, воду и ополоснул лицо, смывая черную копоть.

Ледяная влага помогла немного прийти в чувства. Марков обернулся на пылающие руины, лихорадочно думая: всё ли он сделал? Мог ли кто-то еще остаться под завалами в живых?

В этот момент на площадке перед театром появились спецы с поисковыми собаками — кинологические расчеты, которые обычно отыскивают людей после разрушительных землетрясений. Руководитель спасательной операции поднял руку вверх, и над площадью разнесся резкий свист мегафона.

Объявили минуту тишины.

В радиусе километра всё мгновенно замерло. Заглушили моторы пожарных машин, затихли приказы командиров. Даже пострадавшие, пересиливая собственный страх, взяли себя в руки и замолчали. В этой зловещей, повисшей над Москвой тишине были слышны лишь тихие всхлипы и беззвучные рыдания.

Егор закрыл глаза и включил свой слух на двести процентов. Он буквально впивался в каждый шорох, пытаясь уловить хоть малейший звук из-под груды искорёженного металла и бетона. Секунды тянулись невыносимо долго.

Вдруг сквозь толщу завала донеслась едва различимая, приглушённая телефонная музыка. Живой! Там кто-то есть!

Марков резко распахнул глаза и со всех ног устремился к правой стороне разрушенного фасада. Заметив его рывок, следом бросился один из военных, кинологи тут же спустили

с поводка немецкую овчарку. Собака сходу влетела на груды обломков, завертелась на месте и звонко, заливисто залаяла, царапая лапами бетонную плиту.

— Сюда! Быстрее! Отрезайте арматуру! — скомандовал Егор.

Они уже были на месте. Марков упал на колени и, не обращая внимания на содранную кожу на пальцах, аккуратно, камень за камнем начал разгребать завал руками. Военные со спасателями мгновенно подключились, растаскивая тяжелые куски конструкций. Совместными усилиями им удалось расширить узкую щель, из которой показалась окровавленная, но живая рука. Мужчина внутри завала слабо пошевелил пальцами. Очередная жизнь была отвоевана у смерти.

Мужчина потихоньку дальше идёт по завалам. Гробовая тишина! Вдруг в нескольких шагах от него раздается очередной взрыв, его оглушает, он падает, голова готова взорваться, военные рядом, подхватывают его и уносят.

- Спасибо! Вы молодец, но дальше предоставьте работу профессионалам.

Егор оказался среди тысяч пострадавших — таких же, как он сам. К нему подходили люди: кто-то молча обнимал, кто-то сквозь рыдания шептал слова благодарности. В некоторых лицах он узнавал тех, кого еще полчаса назад выдёргивал из огненного ада.

Слёзы сами покатались по его щекам, смешиваясь с копотью. В этот момент он больше не был бесчувственным желез-

ным человеком. Профессиональная броня дала трещину, и наружу хлынуло всё сразу: чужая боль, пережитый страх, отчаяние, дикое ликование от того, что выжил, и горькое осознание невосполнимой утраты.

Марков поднялся, резко смахнул слёзы рукавом и снова принялся помогать — таскал носилки, перевязывал, координировал. Он делал всё, что было в его силах. До самого утра.

На площадке дежурили только специалисты. Прибыли дополнительные силы военных, оперативники ФСБ, следователи СК, врачи, кинологи, спасатели и пожарные. Теперь это была их зона ответственности, им предстояли дни тяжёлой работы.

Егор понял, что больше не нужен. Своё он отработал. Навалилась глухая, свинцовая усталость. В полуразорванной, обгоревшей одежде, с ног до головы перепачканный сажей и гарью, мужчина побрёл через оцепление к своей машине.

Он открыл дверь и тяжело опустился за руль. К автомобилю сразу подошёл дежурный полицейский.

— Спасибо вам за помощь! — искренне произнес сотрудник, разглядев его лицо. — Вы настоящий патриот. Пожалуйста, оставьте свои данные для протокола.

— Это мой долг перед страной, — глухо ответил Марков, устало прислонившись к подголовнику. — Простите, я пустой. Координаты запишите...

— Может, вас подвезти? Выглядите неважно.

— Нет, я справлюсь.

Егор коротко, по-военному отдал честь сотруднику, зажёг двигатель и медленно выехал с парковки. Обессиленный, смертельно усталый, но довольный своей работой, он покинул оцепленную территорию. Ему нужно было добраться до дома.

Дома он, даже не разувааясь, прошёл в маленькую ванную комнату. На ходу скинул обгоревшую куртку. Водолазка отходила с трудом — ткань намертво присохла к телу там, где запекшаяся кровь накрепко склеила нити с рваными ранами от осколков. Кое-как Егор забрался под душ прямо в одежде и повернул кран.

Только под струями воды ткань наконец размокла и сползла вниз. Струи крови стекали по его мускулистому телу, по многочисленным старым шрамам. Некоторые свежие раны отслоились и опять начали кровоточить. Егор до боли стиснул зубы от резкой вспышки боли, выключил воду и наскоро вытерся полотенцем.

Он на автопилоте пошел на кухню, обработал раны антисептиком, принял таблетки и буквально упал на диван. Ему требовался сон. Пусть короткий, хотя бы часовой. Ему жизненно необходимо было на время отключиться от этого сошедшего с ума мира. Глаза слиплись сами собой, и Егора мгновенно утащило в глухой вакуум, во мрак.

Но тишина длилась недолго. Вдруг какие-то призрачные руки пронзили темноту его подсознания. Они тянулись к нему, вырывали из вязкой лужи черной крови, влекли на-

верх. В уши мертвой хваткой вцепился безумный шум: грохот автоматных очередей, лопасти бьющего по воздуху военного вертолета...

Егор резко открыл глаза, тяжело дыша. На лбу выступил холодный пот.

Наваждение исчезло, но комната была наполнена новой, вполне реальной трелью настойчивого телефонного звонка. За окном уже занималось хмурое утро. Мужчина спросонья потянулся к телефону и нажал «принять вызов».

— Марков на связи. Товарищ Генерал, — хриплым, сорванным голосом произнес Егор, мгновенно принимая в постели строевую стойку. — Готов к выполнению задач.

— Егор готовься, — перебил его генерал, и от его тона Маркова мгновенно бросило в холод. — В 20:30 по Москве произошли взрывы по всей стране, в разных часовых поясах: московский театр "Виктория", крупный международный аэропорт Пулково, морской порт во Владивостоке и стратегический военный завод под Челябинском. Уничтожен центр связи Орион. Великая Страна атакована. Президент объявил высший уровень угрозы и собирает экстренный совет. Машина будет у твоего подъезда через пять минут. Будь готов. Времени нет.

В трубке раздались короткие гудки. Егор медленно опустил телефон специальной связи. Начиналась война.

Глава 2

Владивосток. Морской порт

На берегу бухты Золотая Гавань раскинулся главный порт страны в Тихом океане. Это было грандиозное, живое место, куда круглосуточно стекались баржи, огромные сухогрузы и международные контейнеровозы — морские ворота, соединяющие весь мир с Великой Страной. Отсюда непрерывным потоком шла отправка нефти и сжиженного газа, продуктов питания, одежды, электроники, автомобилей и других стратегически важных грузов. Этот порт никогда не спал.

Среди всего этого упорядоченного индустриального хаоса трудился и местный сторож — пожилой мужчина шестидесяти лет по фамилии Семенчук. На самом деле старик своё в этой жизни уже отслужил. Сорок лет он честно проработал на флоте: начинал, как и все, простым матросом, но постепенно благодаря своему настойчивому нраву и рвению к выполнению самых трудных, ответственных задач дослужился до капитана. Так и пролетели двадцать пять лет — Никита Архипович управлял самым лучшим сухогрузом, возил грузы из Южной Америки в Великую Страну, наизусть зная все капризы океана.

Но время шло, пришлось списать себя на берег. Поначалу он очень ответственно отнесся к скромной должности портового сторожа. Делал, как положено, регулярные осмотры

территории, вовремя сообщал начальству о любых неисправностях.

Как-то раз Семенчук заметил в дальнем секторе забора огромную дыру. Он сразу донес информацию руководству, но те лишь отмахнулись и отправили мужчину заниматься своими делами. А через эту лазейку на охраняемую территорию постоянно лазили местные подростки, беспризорные ребята и просто любопытные мальчишки — посмотреть на огромные океанские корабли. Иногда забегали бездомные собаки и кошки. Старый капитан послушно гонял любопытную детвору, сам как мог латал эту дыру проволокой, но на следующий день история неизменно повторялась. Руководство порта абсолютно не реагировало на замечания пенсионера, считая его ворчливым, старым и слишком дотошным.

Пару раз Никита Архипович и вовсе замечал на территории пристани странные тонированные машины и подозрительных людей, у которых явно не было портовых пропусков. Но стоило ему заикнуться об этом, как дирекция тут же жестко перехватывала инициативу, отводя слишком настырного сторожа от этой темы.

Тогда Семенчук плюнул на всё и решил: он будет просто приходить на смену, формально делать быстрый обход, а потом наглухо запираться в своей теплой коморке на возвышении и смотреть телевизор. Что он, маленький человек, может сделать, если само начальство против его инициатив? Если они сами проворачивают какие-то свои темные делишки, а

он — ненужный свидетель? Нет, неприятности на старости лет ему были не нужны. Не хотят порядка — не надо.

В пятницу вечером сторож, как обычно, поднял глаза к звёздному небу. Оно было восхитительно: бесчисленное количество ярких точек усыпало тёмное покрывало, а жёлтый шар луны катился по нему так, словно невидимые мальчишки играли в футбол. Старик глубоко вздохнул. Свежий морской воздух наполнил грудь знакомым солёным вкусом. По привычке он всё же обошел территорию, тяжело шаркая сапогами по бетонным пирсам. Заделал дырку в заборе подвернувшейся фанерой, поправил кое-где массивные замки на складских амбарах, внимательно проверил, чтобы не было посторонних, а после направился в комнату. Часы показывали одиннадцать вечера. В углу монотонно жужжал телевизор, и под это глухое бормотание старый капитан задремал, убаюканный мирным плеском волн за окном.

А совсем недалеко от этого места, на продуваемой холодными ветрами недостроенной двенадцатиэтажке, отрывались местные подростки. Они собрались здесь глухой ночью, чтобы отдохнуть от вечных нотаций учителей и «родоков», которые вечно лезли в их жизнь, мешая заниматься любимыми, пусть и опасными вещами. Им хотелось жить свободно, без глупых правил и нравоучений, делать всё, что пожелаешь. На верхнем этаже заброшки они пили пенное, курили, всюю парили вейпами, громко танцевали под гремящую из портативной колонки музыку и расслаблялись.

Одна из девушек отделилась от компании, подошла к самому краю бетонной плиты и уставилась в темноту океана. Вокруг в ночи приветливо мигали далекие точки маяков, где-то у горизонта рыболовные суда уходили на промысел. Она подняла глаза к небу — там сияла огромная жёлтая луна, её ледяной свет оставлял красивую, мерцающую дорожку на темной воде.

Прошло около четырех часов. В акватории бухты Золотая Гавань начал зарождаться холодный, зловещий шторм. Ветер резко усилился, завывая в пустых оконных проемах недостроя.

В самой полыхающей тишине порта Семенчук внезапно проснулся от странного предчувствия — старый капитанский инстинкт сработал раньше разума. На часах было начало четвертого утра. Старик налил себе чаю, сел за пульт и лениво бросил взгляд на мониторы камер наблюдения. На причале №4 шла плановая ночная разгрузка массивного иностранного судна. Всё шло строго по расписанию.

Внезапно три монитора из двенадцати моргнули и покрылись серой рябью. Спустя секунду полностью отключилась автоматическая система управления гигантскими порталными кранами. Огромная железная стрела над четвертым причалом, похожая на замершего динозавра, застыла в воздухе вместе с многотонным контейнером.

— Что за чертовщина... — пробормотал Семенчук, стуча сморщенными пальцами по клавиатуре. — Опять сеть легла?

Старик потянулся к радию, чтобы вызвать старшего смены, но из динамика донеслось лишь глухое, зловещее шипение. Глушилки связи сработали безупречно.

В этот же миг девушка на краю двенадцатэтажки замерла. На причале №4 — именно там, где сторож когда-то видел подозрительные тонированные машины — вспыхнул ослепительный, мертвенно-белый свет, превративший ночь в поллярный день.

— Ребята, гляньте на причал... — только и успела выговорить она, как мир вокруг разорвался на куски. Смартфон в руках показывал 3:30 утра субботы. А в это время в столице было 20:30.

Её мгновенно оглушила страшная звуковая волна, внезапно поднявшаяся из глубин морского дна и уничтожавшая всё на своём пути. Плотный, раскаленный поток воздуха с силой ударил по высоте, со свистом отшвырнув девушку прочь от края плиты. Остальные ребята с матом и криками тоже повалились с ног. Звуковой удар наотмашь бил по барабанным перепонкам, голова загудела так, словно они оказались внутри огромного церковного колокола, по которому бьют набатом.

В порту земля под административным зданием содрогнулась с такой силой, что стёкла в сторожке разлетелись на сотни мелких, острых ножей. Сторожа с корнем отбросило в угол комнаты, а сорвавшийся с креплений тяжелый железный шкаф намертво придавил ему ноги. В следующую се-

кунду яркая вспышка, словно зарево проснувшегося вулкана, ослепила старика.

Темный океан внизу озарился яростным, ревушим пламенем. Подросткам сверху казалось, будто внизу разинулась сама Пасть Дьявола и вырвалась из адских недр земли, чтобы поглотить всё человечество.

Девушка на бетоне истошно вскрикнула, зажимая уши руками. Парни, несмотря на дрожь в коленях, тут же повскакивали, судорожно вытаскивая из карманов телефоны, и начали снимать видео для своих каналов.

Она же, захлебываясь слезами, набрала на экране 112.

— Алло! Спасите! В порту взрыв! Нас на недострое отбросило волной, там всё полыхает! Быстрее!

Сбросив вызов, она испуганно поползла к лестничному пролету:

— Ребята, надо валить! По домам, живо! Здесь сейчас всё рухнет!

— Ты чего, трусила?! — самый отчаянный из парней дико рассмеялся, упрямо наводя камеру на пылающую бухту. — Нет, это наш шанс, бро! Надо бежать туда и заснять всё поближе! Вот это будет бомба, ха-ха! Реальная бомба!

Он рванул к выходу на лестницу, но в этот момент очередной, куда более мощный взрыв сотряс Золотую Гавань — рванули топливные терминалы со сжиженным газом. Звуковой удар обрушился на двенадцатэтажку с новой силой. Смелый парень от неожиданности выронил телефон — де-

вайс со свистом улетел в пустую шахту лифта прямо вниз. Другой парень при падении жестко приложился лицом о бетон, и его экран разлетелся вдребезги.

На верхнем этаже началась паника. Кто-то забился в угол, катаясь по полу и крича, что они все сейчас умрут.

— Эй! Кто-нибудь ранен?! Все в порядке?! — перекрикивая грохот, позвала девушка.

— Ты спятила?! Какой на хрен порядок?! — орала её подруга, катаясь в истерике и размазывая тушь по лицу. — Там пипец творится, твою же мать! Жесть!

Бах! Хлёсткая пощечина Милы чуть-чуть вернула подругу к реальности, заставив ту хотя бы замолчать и тихонько хныкать.

— Чёрт! Телефон улетел вниз!

— А мой разбился, фак! — доносились сквозь гарь матерные выкрики парней. — Такой материал был, точно пипец! Это же главный порт страны... Что вообще происходит?!

А в самой полыхающей сторожке, на другом конце забора, в этот же миг старый капитан Семенчук изнывал от невыносимой боли. Голова казалась чугуновой, а в глазах прыгали радужные огоньки. Он отчаянно постарался прийти в себя, подняться, но ничего не получилось — раздробленные ноги совершенно не слушались. Превозмогая нарастающий жар, Семенчук попытался дотянуться рукой до телефона, который лежал в кармане кофты. Действуя практически вслепую, он наугад набрал номер 112, хрипло произнёс в трубку, что

в порту произошёл взрыв, и он тяжело ранен, после чего потерял сознание.

Когда старик вновь открыл глаза, вокруг всё уже было в густом, черном дыму. Коморка полыхала. Задыхаясь от едкого запаха гари, он медленно пополз к выходу, волоча за собой придавленные ноги. Понимая, что силы на исходе, Семенчук нащупал телефон, включил фонарик и запустил музыку на полную громкость, надеясь, что спасатели смогут найти его по звуку в этом аду.

В окно он видел, как огромный танкер у причала был полностью охвачен огнём. Вдруг послышался очередной оглушительный взрыв. Старик из последних сил закрыл голову руками и вжался в пол. Раскаленные осколки металла пробивали стены сторожки. Преодолевая страшную боль, он вновь набрал 112, задыхаясь, повторил координаты и опять потерял сознание. Взрывы в бухте Золотая Гавань не стихали. Постепенно весь порт превращался в один необъятный, ревущий пожар.

Ни один из раненых рабочих порта не заметил, как за пять минут до катастрофы от закрытой ремонтной зоны отчалил неприметный серый катер. Мужчина за штурвалом хладнокровно смотрел в зеркало заднего вида на поднимающийся к небесам огненный гриб. Он поправил воротник штормовки, под которым тускло блеснул серебряный значок тайного общества, и выжал ручку газа, уходя в открытое штормовое море. Вторая часть «спектакля» была отыграна.

На недостроенной высотке подростки наконец начали в спешке спускаться вниз. Самые смелые и глупые из парней, несмотря на опасность, всё равно упрямо побежали в сторону полыхающих доков — ловить хайп.

Предрассветную тишину города разрезал пронзительный, истошный вой сирен скорых и пожарных машин. В ушах у Милы всё еще монотонно гудело. Ей казалось, что происходящее — какой-то затянувшийся страшный сон. Она даже ущипнула себя за руку, но наваждение не исчезло: она продолжала стоять на тротуаре посреди стремительно разрастающегося хаоса.

В окнах окрестных домов один за другим зажигался свет. Любопытные жильцы испуганно выглядывали наружу, пытаясь понять, что за грохот прервал их сладкий сон. Увидев страшное багровое зарево над бухтой, люди начинали орать, будить соседей, в панике выбегать на улицу прямо в домашней одежде. Телефон экстренной службы 112 разрывался от сотен нахлынувших звонков.

Мила быстро зашагала в сторону своего двора, лихорадочно рассуждая по дороге о случившемся. Нужно было во что бы то ни стало добраться до постели раньше, чем мать зайдет к ней в комнату. На ходу она хотела почитать новости и посмотреть местные паблики, но телефон выдал "Нет сети". Попробовала набрать номер матери - тишина. Мила поняла, что весь её привычный мир только что разорвался на части, Пасть Дьявола пожирает всё на своём пути, оставляя мерт-

вый след.

«Господи! Боже мой...» - лихорадочно пронеслась мысль в её семнадцатилетней голове.

Подкосившиеся ноги не удержали девушку. Она рухнула прямо на грязный асфальт. Крупные слезы покатались по бледным щекам, смешиваясь с падающим с неба пеплом и окрашиваясь в черный цвет — точь-в-точь, как и вся Великая Страна от этого страшного, неизбежного кошмара.

Глава 3

Челябинская область, закрытый завод «Ракета»

Завод «Ракета» был создан на заре Холодной войны, когда семимильными шагами шло освоение космоса и новых видов вооружения. Тогда лучшие советские инженеры и конструкторы трудились на благо своей страны в стенах этого научного центра. Они разрабатывали и строили лучшие в мире ракеты, открывали неразгаданные секреты мироздания и пытались подчинить себе то, что сейчас несёт в себе истинное могущество. За долгую историю развития здесь было создано непревзойдённое оружие современности. Запад всегда опасался советских умельцев, видя в них угрозу и способность обуздать законы природы, совершив невероятное. Так и случилось. Холодная война закончилась после проведения сверхсекретных испытаний, после которых всем стало ясно, что с Советами шутить не стоит. «Ракета» оставалась неприступной крепостью, куда даже мышь не могла проникнуть без специального пропуска, не говоря уже о сотрудниках.

Он работал здесь инженером вот уже пятнадцать лет. На его счету находилась одна из передовых разработок ракет для военного флота. На следующих выходных планировалась презентация для Президента, поэтому он решил остаться на посту в пятницу вечером и ещё раз проверить данные нового оружия. Каково же было его удивление, когда в си-

стеме обнаружилась неисправность.

«Не может этого быть, я же всё по сто раз перепроверял! Блин! Наверняка этот выскочка напортачил, а мне опять отдуваться, — раздраженно подумал инженер. — Жена снова всю плешь проест, какого хрена я пропадаю на работе вместо совместного ужина. Как ей объяснишь специфику моей профессии? Знала же, за кого замуж выходила. Эх!»

Он открыл в компьютере программу, выбрал необходимую папку и запустил диагностику.

Через минуту воздух содрогнулся от мощнейшего взрывного удара. Инженер превратился в пепел за считанные секунды — скорее всего, его мозг даже не успел осознать случившегося. Ракета взмыла в тяжёлое тёмное небо, пронзая густой смог своим блестящим носом, и тут же самоуничтожилась в воздухе, разбросав горящие осколки на километры вокруг.

Завод был спроектирован таким образом, что, если в одном из цехов или в лаборатории происходило возгорание, автоматика тут же блокировала двери и опускала специальные противопожарные укрепления, препятствуя распространению огня. Также включалась автоматическая подача воды из резервных отсеков. Однако в этот раз система безопасности не сработала. Огонь стал стремительно распространяться дальше, на бешеной скорости продвигаясь к ядерному цеху. Стоило только искре попасть туда, как в мгновение ока все ближайшие территории пали бы от разрушительного

ядерного взрыва, а облако едкого дыма уничтожило бы всё на своём пути.

Дежурный охранник первым заметил случившееся. Он мгновенно вызвал скорую помощь, пожарных и доложил о ЧП генералу. Когда стало ясно, что автоматическая противопожарная система парализована, а огонь рвётся дальше, мужчина стрелой помчался к пульту ручного управления. В этот миг он думал о том, что от него сейчас зависит судьба многомиллионного города, его собственная жизнь, а ещё — жизнь малютки-сына и любимой жены. Если бы в этот момент простой челябинский охранник участвовал в Олимпийских играх по бегу, он с полной уверенностью взял бы золото и всемирное признание, установив новый мировой рекорд. Никогда ещё в жизни ему не приходилось так мчаться к финишу.

Вот и заветная дверь. Ключ в мокрых руках дрожал, выскользнул и упал на железную решётку пола. Лишь с третьей попытки получилось открыть замок. Влетев внутрь, охранник стал вслепую нажимать на все кнопки подряд, пытаясь заблокировать смертоносную термодверь. За считанные секунды ему это удалось. Вокруг продолжали греметь взрывы, но основные опасные цеха оказались под надёжной защитой.

Мужчина без сил растянулся на полу. Пот струился по лицу и телу, мышцы ныли от бешеного спринта, а из мужественной накачанной груди вырвались невольные рыдания. Он нащупал в кармане телефон и набрал номер жены.

— Привет... Я люблю тебя. И сыночка поцелуй, пожалуйста, — проговорил он сдавленным, скрипучим голосом, прикрывая рот рукой, чтобы сдержать слезы.

— Привет! Что-то случилось? — в её голосе слышались нотки испуга и удивления.

— Нет, милая. Всё хорошо, просто рабочая обстановка. Утром буду дома. Целую! — он отключился.

Кое-как поднявшись на ноги, охранник пошёл в задымлённый коридор — встречать экстренные службы. В ночное небо Челябинской области, разрывая тишину, уже вгрызались сирены десятков пожарных машин и броневых автомобилей. Черный дым лениво смешивался со смогом, расплзаясь над тайгой. Командиры штурмовых групп на ходу отдавали приказы, оцепляя периметр.

На часах разрушенной проходной было ровно 22:38. В Москве в этот момент стрелки показывали 20:38.

С момента начала масштабной синхронной провокации прошло всего восемь минут. Кто-то невидимый и безжалостный одновременно нажал на спусковой крючок в пяти стратегических точках великой страны. На Дальнем Востоке уже полыхали причальные стенки захваченного порта Владивостока. На Урале спасатели ликвидировали последствия несостоявшегося ядерного апокалипсиса. А в самой столице, под оглушительный рёв гитарных процессоров в театре «Виктория», военный разведчик Егор Марков только начинал свой бой, прорываясь сквозь толпу к первому убитому террори-

сту. Механизм диверсии был запущен на полную мощность, и страна погружалась в самую долгую ночь в своей истории.

Санкт-Петербург, Международный аэропорт Пулково, 20:30

Женщина с маленькой девочкой на руках стояла у огромного панорамного окна. Показывая на застывшие на перроне лайнеры, она тихо рассказывала о них дочке. Малышка стучала крошечными пальчиками по стеклу, улыбалась маме и увлечённо щебетала на своём, ещё непонятном языке. Мать отвечала ей взаимной, любящей улыбкой — на какую способны только самые лучшие мамы. Вдруг крошка сорвалась с рук и направилась к игровой зоне с детской горкой, установленной прямо у окна. Она ловко взобралась на ступеньки, весело скатилась вниз и захлопала в ладошки. Женщина ласково разговаривала с ней, параллельно наблюдая за другими детьми и их родителями.

По залу ожидания сновали путешественники, готовые со минуты на минуту взмыть в небеса навстречу луне и звёздам. Стюардессы за стойками регистрации приветливо приглашали пассажиров пройти на посадку. Услышав информацию о своём вылете, женщина поспешила к дочке и подхватила её. Но крошка, словно резиновый скользкий червячок, ловко выскользнула из рук и снова побежала к окну. Мать бросилась за ней.

В этот самый миг раздался оглушительный хлопок. Часы на терминале номер двадцать показывали 20:30.

— Ложись! — диким, нечеловеческим голосом закричал кто-то у стойки регистрации.

Женщина, словно обезумевшая пантера, в едином прыжке растянулась в воздухе и успела накрыть своим телом дочку. В ту же секунду в зал хлынул каскад разбитых оконных осколков. Огромное стекло Пулково разлетелось в пыль. Плотная звуковая волна мгновенно повалила людей на красивый, холодный кафельный пол. Кто-то истошно закричал, кто-то застонал от резкой боли первых ранений. Яркое пламя озарило терминал, следом грохнул второй взрыв, от которого всё здание содрогнулось от мощной вибрации, но устояло.

— Помогите! Моя нога! Я её не чувствую! — раздался истошный крик молодого парня неподалеку, прижатого обломком упавшего табло.

— Бегите к выходу! Быстрее! — надрывался мужчина в разорванном пиджаке, увлекаая за собой испуганную толпу.

Из-под потолка хлынули потоки воды — сработали датчики тушения. Запищала пожарная сигнализация, и сквозь этот гул пробился механический компьютерный голос, который монотонно и спокойно сообщал: *«Внимание! Сохраняйте спокойствие! Проследуйте медленно к выходу, идите по светящимся знакам на полу и стенах. Внимание! Сохраняйте спокойствие!»* Автоответчик повторял записанные фразы по кругу.

Пребывая в глубоком шоке, женщина приподнялась на

локтях и судорожно осмотрела малютку. Девочка тихо плакала, её нижняя губка дрожала, а крошечные ручки мёртвой хваткой вцепились в мамину кофту. С ней всё было в порядке, не считая испуга и разбитых коленок. Материнский инстинкт сработал безупречно. Женщина крепко прижала дочку к себе и поспешила к выходу.

Вокруг воцарилась страшная паника. Люди орали, стояли и бежали врассыпную. Какой-то мужчина пытался собрать бегущих в единую группу, чтобы организованно повести их к эвакуационному выходу. Более-менее адекватные пассажиры поддавались его командам и следовали за ним, остальные же в ужасе превратились в испуганных животных, ищущих спасения.

У самого выхода женщина на секунду бросила взгляд на взлётно-посадочную полосу. Огонь уже всю поглощал припаркованные самолёты и брошенные тележки с багажом. Сегодня они уже точно никуда не полетят. Терминал 25 и 26 пылали огнём, половина аэропорта рассыпалась будто картонный домик.

Добравшись до безопасной зоны на привокзальной площади, она дрожащими пальцами нащупала телефон, хотела позвонить мужу, но телефон выдал "Нет сигнала. Только экстренные вызовы". Интернета тоже не было. Женщина ещё сильнее прижала к себе дочь, малютка тихонько плакала.

Повсюду слышался шепот, крики, ругань. Пассажиры бились в истерику.

— Что нам делать?! Куда идти?! - спросила Надя стюарда.

Тот лишь беспомощно развёл руками, в его глазах стоял дикий ужас.

— Мы не знаем... Распоряжений из центра пока не поступало! Связи с вышкой нет! — крикнул он и бросился дальше по залитому водой перрону.

Путешественники вокруг орали и матерились. Чуть в стороне двое мужчин, потерявших самообладание, с кулаками бросились друг на друга из-за брошенной тележки.

— Назад! Назад, я сказал! Отойдите от терминала! — подоспевшие сотрудники полиции жёстко разняли их, силой вытесняя прибывающую толпу за пределы опасной зоны.

Взрывов больше не было, и это было хорошо. Однако паника становилась всё сильнее, напоминая потревоженный муравейник за пять минут до захода солнца.

Она присела на бетонную ступеньку, ещё раз осмотрела себя и дочку, полностью убедилась, что ран нет, и влилась в быстротечную реку к выходу с территории аэропорта. Из громкоговорителей сотрудники сообщали, что все рейсы отменены, в скором времени будет организован отъезд в гостиницы и доставка горячего питания, а пока что всех просят набраться терпения, следовать указаниям.

Она не стала их слушать. Медленно покинув здание, женщина пешком пошла по дороге, ведущей к городу. На одном из кордонов полицейские тщательно обыскали её, выдали временный пропуск и разрешили идти своей дорогой. По-

пупка подхватила её и отвезла к гостинице в центре города.

Через час Надя уже стояла под горячими струями воды в гостиничном номере. Крошка сладко спала в детской кроватке. Слезы оставляли солёные ручейки на щеках и переносице. Молча, изо всех сил проорав в пустоту, женщина рухнула в мягкую постель.

Аэропорт Пулково стал четвертой жертвой Пасты Дьявола. Но не конечной.

Московская область, Центральный узел правительственной и спутниковой связи «Орион» 20:30

В подземном бункере центра «Орион» царила привычная рабочая прохлада. Здесь, за полуметровыми гермодверями, под защитой экранированных стен, круглосуточно дежурила смена офицеров связи. На огромной цифровой карте страны ровным зеленым светом горели тысячи нитей — каналы закрытой спутниковой связи, соединяющие Кремль с военными округами, КБ оборонного комплекса, базами флота и ключевыми транспортными узлами. Этот объект был цифровым щитом государства.

Майор Ковалев лениво сделал глоток остывшего кофе, собираясь заполнить текущий журнал. На часах было ровно 20:29.

Через тридцать секунд тишину бункера разорвал резкий, вибрирующий зуммер. Главный сервер связи выдал каскад ошибок.

— Что за черт?.. — пробормотал Ковалев, ставя чашку

на пульт. — Седьмой канал на Дальний Восток упал. Потеря пакетов сто процентов.

— Майор, у меня Пулково отваливается! — крикнул с соседнего ряда капитан, судорожно щелкая тумблерами. — И Челябинск! Сигнал КБ «Ракета» пропал с орбиты! Что у них там, ошибка, перегруз?

— Не может быть перегруза одновременно по всей стране, — Ковалев мгновенно подобрался, его пальцы полетели по клавиатуре, пытаясь перезапустить резервные шлюзы. — Объявляй тревогу по сектору! Запускай протокол...

Договорить он не успел. В 20:30 все экраны огромной видеостены синхронно моргнули и окрасились в мертвенно-белый цвет. Зеленые нити связи на карте вспыхнули красным и начали исчезать одна за другой, словно перерубленные невидимым топором. Мощнейший зашифрованный вирус-червь, внедренный в систему задолго до этого дня через подставное обновление софта, за секунды сожрал корневые сертификаты безопасности.

В ту же секунду на поверхности, у внешнего периметра «Ориона», погасли прожекторы. Тяжелые автоматические ворота КПП, подчиняясь сошедшему с ума главному компьютеру, сами поползли в стороны, открывая проезд.

Из темноты подмосковного леса без единого звука выкатился глухо затонированный фургон. Из него посыпались люди в черном камуфляже без шевронов. Они действовали со швейцарской точностью. Первыми же выстрелами из

бесшумных винтовок были сняты часовые на вышках. Никаких криков, никаких предупреждений. Штурмовая группа ворвалась в административный корпус через открытые автоматикой двери.

В коридорах загремели короткие, глухие очереди. Диверсанты не брали заложников и не выдвигали требований. Их целью были распределительные щиты и магистральные оптоволоконные кабели. Два направленных кумулятивных заряда разнесли в клочья узлы оптики, уходящие глубоко под землю. Зашипел жидкий азот из пробитых систем охлаждения, заполняя коридоры белым густым паром.

В подземном бункере Ковалев судорожно хватал трубки телефонов экстренной связи, но в них была лишь мертвая, звенящая тишина. «Красный телефон» прямой связи с Генеральным штабом выдавал короткие электронные гудки — аппаратная на поверхности перестала существовать.

Цифровой мозг спецслужб был полностью ослеплен. Страну разрезали на изолированные куски.

Старший штурмовой группы на поверхности нажал кнопку на рации и хладнокровно доложил в эфир:

— «Орион» отключен. Связи между регионами больше нет. Пятый объект чист.

Часы на стене бункера застыли на отметке 20:38. Пятая часть масштабной провокации была завершена. Информационный вакуум накрыл государство, оставляя горящие Владивосток, Пулково, Челябинск и театр «Виктория» один на

Один со своим кошмаром.

Глава 4

Ситуационный центр Кремля 21:00

Тридцать минут назад страна погрузилась в хаос. Президент Александр Алексеевич стоял у огромного интерактивного экрана, на котором одна за другой гасли точки стратегических объектов. Пятая часть масштабной провокации была завершена. Подмосковный центр связи был полностью уничтожен врагом. Из-за этого полстраны накрыл глухой информационный вакуум — упал интернет, отключилась гражданская сотовая связь. Города Владивосток, Пулково, Челябинск и Москва остались один на один со своим кошмаром. Но здесь, в бункере, защищенные военные спутники еще держали контур управления.

В зал стремительно вошёл начальник Генерального штаба с красной папкой в руках.

— Товарищ Верховный главнокомандующий, связь с регионами восстановлена по закрытым армейским каналам. Картина проясняется. Это скоординированная атака. Время удара — 20:30. Горят порт во Владивостоке, аэропорт Пулково в Санкт-Петербурге, оборонный завод в Челябинске и театр «Виктория» в Москве. Наш Центральный штаб связи тоже подвергся атаке. Технические службы уже начали разворачивать резервные узлы для населения...

— Отставить, — ледяным тоном перебил Президент Ве-

ликой Страны. — Если сейчас граждане узнают, что одновременно атакованы четыре крупнейших центра в разных концах страны, начнётся тотальная паника. Нам заблокируют все федеральные трассы. Люди бросятся бежать, начнётся мародерство. Страна уничтожит сама себя изнутри за пару часов.

Президент жестко оперся о стол руками:

— Приказ министерству связи: гражданские шлюзы интернета не включать. Держать информационный вакуум. Официальным СМИ транслировать только плановую сетку вещания с одной новостью — в Подмоскowie произошел крупный технический сбой на узле связи, ведутся восстановительные работы. О Пулково, Челябинске и театре — ни слова. Любые попытки вбросить информацию в сеть квалифицировать как госизмену. Мы перекрываем кислород панике. У нас есть несколько часов. Все войска держать в боевом распоряжении, наготове, чтобы в случае чего они могли быстро реагировать на изменившуюся ситуацию.

Когда за начальником Генштаба закрылась тяжелая дверь, в малом кабинете Ситуационного центра остались только двое: Президент Александр Алексеевич и Министр обороны.

Министр обороны внешне сохранял абсолютное, гранитное спокойствие. Но внутри него все горело. Страна на пороге Третьей мировой. Контролируемый хаос стал неуправляемым.

— Что скажешь, Сергей Степанович? — тихо спросил Александр, не оборачиваясь. — Твое ведомство проспало удар такой силы. У меня на столе пять уничтоженных стратегических узла и жертвы.

— Господин Президент, это не просто теракт, — твердо произнес министр. — Моя аналитическая группа прямо сейчас проверяет штаммы кодов, которыми вывели из строя подмосковный узел. Это почерк западных спецслужб. Нас подставили. Исполнители на местах — радикалы, но вели их из-за рубежа. Я уже отдал приказ ликвидировать все диверсионные группы при задержании. Свидетелей оставлять нельзя.

- Нет, отставить. Мне нужны задержанные. Итак, Сергей Степанович, отправляйся в поле. Докладывай напрямую.

- Есть, Господин Главнокомандующий!

Министр отдал честь и вышел из кабинета в длинный темный коридор. Мерцание ламп действовали магнетически. Он на ходу стал соображать свои шаги, когда в чемоданчике завибрировал телефон. Испарина проступила на лбу. Он нажал "принять вызов".

Президент Великой Страны остался один в кабинете, мысли летали со скоростью света. Сейчас, как некогда ранее, он нужен был своей стране и всему Миру. Он бросил короткий взгляд на часы на правой руке. На них было ровно 21:30. Значит, у его собеседника за океаном сейчас полтретьего дня. Он решительно поднял трубку телефона и нажал

единственную кнопку на панели. Щёлкнуло аналоговое реле. Трубка задышала далёким океанским шумом. Через пару секунд на том конце раздался ответ:

— Здравствуйте, господин российский Президент, — произнёс голос секретаря с заметным американским акцентом.

— Здравствуйте. Срочно соедините меня с вашим Президентом. Это очень важно. Передайте ему: «1962».

Секретарь аккуратно положил трубку на стол и быстрым шагом направился к кабинету Президента. Американский лидер Джонни в этот момент беззаботно болтал о политике с одним из сенаторов за бокалом хорошего виски и настоящей кубинской сигарой. На его лице сияла широкая улыбка, обнажая здоровые белоснежные зубы.

— Сэр, вам важный звонок из России, — прервал их секретарь, приоткрыв дверь. — Передают цифры: «1962».

Услышав этот скрытый код — год Карибского кризиса, когда мир стоял в одном шаге от ядерного апокалипсиса, — Джонни мгновенно побледнел. Стакан с виски выпал из его руки прямо на персидский белоснежный ковёр, туда же слетел серый пепел с сигары. Оставшуюся её часть он судорожно швырнул в пепельницу и широкими шагами пересёк Овальным кабинет. На лбу американца проступили крупные капли пота, а выражение лица теперь выражало глубокую озабоченность и растерянность.

Кое-как взяв себя в руки и глубоко вздохнув, он поднял

трубку телефона связи и произнёс, изо всех сил стараясь казаться непринуждённым и дружелюбным:

— Привет, мой дорогой друг! Как давно мы с тобой не общались! Что произошло? — в голосе Джонни сквозило фальшивое, но профессиональное дружелюбие.

— Здравствуй, Джонни. У меня для тебя плохие новости, — Александр говорил ледяным, глухим тоном. Он умышленно игнорировал светский тон собеседника. — Час назад против моей страны была совершена беспрецедентная скоординированная агрессия. Четыре стратегических узла атакованы одновременно, уничтожена гражданская инфраструктура, число жертв растёт с каждой минутой. Такого вызова нашей национальной безопасности ещё не бывало. Поэтому я задам тебе один прямой вопрос, Джонни: это спланированная акция твоей администрации? И, прежде чем ответить, пожалуйста, очень хорошо взвесь последствия.

Александр сознательно шел на обострение. Он знал жесткие правила этой игры: в момент стратегического кризиса необходимо заставить противника врасплох, оказывать максимальное давление и сразу продемонстрировать решимость идти до конца.

— Александр, друг мой... — в динамике раздался прерывистый, растерянный голос американского лидера. — То, что ты говоришь, — это катастрофа. Настоящий шок для меня. Мы здесь абсолютно ни при чём, я заявляю это официально. Клянусь тебе своей страной и конституцией! Масштабные

теракты? Взрывы?..

Джонни тяжело облокотился на край стола. Дрожащей рукой он достал из кармана платок и протёр взмокший лоб. Другой рукой судорожно расстегнул галстук и верхние пуговицы на рубашке — лёгкие будто сдавило тисками. Он попытался сделать несколько глубоких, спасительных вдохов.

— С тобой всё в порядке? — сухо спросил Александр, услышав в трубке его тяжелое дыхание.

— Да... Возраст, сам понимаешь, сказывается. Да и твоё сообщение меня буквально подкосило, — Джонни с трудом сглотнул слюну. — Сейчас я экстренно свяжусь с руководством ЦРУ и Пентагона, потребую от них полную оперативную сводку. Если кто-то из наших аналитиков упустил эту угрозу, полетит много голов. Я немедленно перезвоню тебе.

Послышались короткие гудки — американец взял паузу. Но уже через несколько минут шифратор спецсвязи снова задышал далёким океанским шумом. Джонни вернулся на линию, и его голос теперь звучал более собранно, но в нём сквозил затаённый ужас:

— Саша, это не мы. Моё оборонное ведомство, как и я сам, в полном недоумении. Неужели ты думаешь, что мы окончательно лишились рассудка? Пойти на подобный шаг — значит подписать приговор собственной стране. Чёрт... Кто-то водит нас за нос и намеренно стравливает наши государства, пытаясь развязать тотальную войну. Саша, ты мне веришь?

— Я не знаю, Джонни, — Александр сделал паузу, и от его спокойствия веяло могильным холодом. — Одно дело — вести геополитическое противостояние на нейтральных территориях, и совсем другое — нанести удар по суверенным границам России. Знаешь, когда я был мальчишкой, то очень не любил тех, кто пытался силой отобрать то, что принадлежит мне по праву. Физически я был меньше многих, но уступать не умел — никогда не позволял себя обижать. Ждал удобного момента и устраивал агрессору такое, что второй раз ему пробовать не хотелось. Так вот, Россия — это моя страна, и я не позволю никому ставить под угрозу её существование.

Александр подошел к интерактивной карте, где алые маркеры продолжали пульсировать, словно незаживающие раны.

— Я не знаю, причастна ли к этому твоя официальная администрация. Может быть, это игра ваших транснациональных корпораций, спонсоров или скрытых элит — мне плевать на внутренние расклады Вашингтона. Я доберусь до каждого причастного. Мои спецслужбы докопаются до истины, и тогда, поверь мне, пощады не будет ни исполнителям, ни заказчикам. Ответный удар уничтожит всех. Поэтому я предлагаю тебе прямо сейчас встать на сторону силы и передать мне всю имеющуюся у вас информацию.

— Ты умеешь вести переговоры с позиции силы, Александр, — глухо отозвался Джонни. — Я предоставлю тебе всё, что зафиксируют наши спутники и агентурные сети в

течение получаса. Мои аналитики уже подключают все каналы перехвата. Я заинтересован в поиске этой третьей силы не меньше твоего. Считай, что в этом расследовании мы на одной стороне.

— Хорошо, Джонни. Удачи нам обоим.

В трубке раздались короткие гудки. Дальше последовали звонки в другие части света: Лондон, Пекин, Венесуэла, Тегеран, Астана... Куранты на Спасской башне пробили полночь. За это время Александр связался со всеми главами нужных государств, каждому объяснил позицию страны, попросил помощи в расследовании. Он знал, что в мировом пространстве его уважают, что действительно нужно быть психом для того, чтобы устроить подобное. Ни один здравомыслящий политик собственноручно не отдал бы приказ об атаках на Великую Страну. Никто!

Но ведь нашёлся самоубийца, который с легкостью провернул пять терактов в разных местах одновременно. Какая подготовка, какая выдержка?

Президент оделся и поспешил выйти на свежий воздух. Охранники следовали за ним — сейчас нужно быть готовым ко всему. Поднявшись на крышу, он сделал глубокий вдох, медленный выдох. Холодный весенний воздух наполнил легкие, в носу защекотало, он не удержался и чихнул, потом огляделся вокруг. Кремль был ярко освещён, после событий его охрану увеличили, стянули спецназ, пригнали боевые машины. Президенту предложили покинуть место и перебраться-

ся в убежище, но тот отказался, сказав, что у него здесь много дел.

Центр столицы, 21:30

Министр утвердительно кивнул и направился к выходу из кабинета Президента. Его била крупная дрожь. Всё должно было пройти строго по плану, без этого кровавого безумия! Кто же его опередил? Кто переиграл его на собственном поле и обернул их безупречную схему против него самого? Если Президент узнает... А он, твою мать, непременно когда-нибудь узнает — ему не сносить головы.

Чёрт! Сергей Степанович нырнул на заднее сиденье служебного автомобиля и молча протянул водителю обрывок бумаги с адресом.

Едва машина тронулась, он рванул на себя крышку ноутбука и в режиме реального времени принялся жадно читать поступающую развединформацию со всех точек: театр «Виктория» в Москве, международный аэропорт в Санкт-Петербурге, оборонный завод в Челябинске и морской порт во Владивостоке, да ещё и центр связи "Орион" в Подмосковье.

Как? Как им удалось провернуть настолько масштабную операцию в разных часовых поясах, секунда в секунду?! Немыслимо. Необъяснимо. За этим точно стояли элитные, иностранные спецслужбы с неограниченными ресурсами. Обычная радикальная организация, даже самая подготовленная, просто не потянула бы такой уровень. Проникнуть

на закрытый военный завод в Челябинске?! Там же каждого сотрудника перепроверяют по сто раз, роются в семейном древе до третьего колена! И всё же — факт налицо. Министр чувствовал, что упустил нечто критически важное. Какую-то скрытую фигуру, которая всё это время двигала их как пешек.

Машина затормозила возле заброшенного трёхэтажного особняка позапрошлого века в глубине старых московских переулков. Сергей Степанович вышел из салона, затравленно огляделся — вокруг было пустынно. Прощмыгнув внутрь, он взбежал на последний этаж и распахнул тяжёлую дверь конспиративной квартиры.

Щелкнул выключатель, заливая комнату тусклым аварийным светом. Министр бросился к сейфу, лихорадочно набрал код и вывалил на стол папки с материалами. Бегло пробежался глазами по документам, убеждаясь, что это оригинал, а после — чиркнул зажигалкой и швырнул её на деревянный пол, прямо в стопку бумаг.

Пламя мгновенно ожило. Языки огня один за другим охватывали детальные планы здания театра «Виктория», скрытые схемы подъездов, чертежи канализационных и подземных ходов, финансовые сметы расходов и, главное, толстую папку с анкетами кандидатов — исполнителей, которых их «Общество» вербовало для этого спектакля.

Убедившись, что огонь перекинулся на сухие перекрытия, Сергей Степанович выскочил в коридор и плотно захлопнул

за собой дверь. Ему было искренне жаль это старинное здание. Особняк, который благополучно пережил революцию и две мировые войны, сейчас сгорит дотла просто из-за его фатальной ошибки. Но собственная жизнь и свобода министру были гораздо дороже истории.

Он быстрыми шагами покинул полыхающий особняк и почти бегом спустился к ожидавшей его машине. Едва за ним захлопнулась дверца салона, Министр обессиленно откинулся на кожаное сиденье. Ему казалось, что самое страшное позади — архивы уничтожены, концы спрятаны в огонь.

Вдруг в кармане брюк завибрировал личный, очищенный от слежения смартфон. На экране не отобразилось ни номера, ни имени — лишь глухая черная полоса. У министра похолодело внутри. Этот телефон знали всего три человека в мире. Он дрожащими пальцами провел по экрану и поднес аппарат к уху.

— Слушаю, — глухо выдохнул он.

— Вы плохо справились со своей частью работы, Сергей Степанович, — в динамике раздался тихий, лишенный всяких эмоций голос Председателя. В нём не было компьютерных фильтров, но от этой спокойной, интеллигентной интонации веяло абсолютной смертью. — Вы сожгли особняк на Пречистенке. Слишком топорно. Слишком панически. Александр уже ищет предателя, а вы оставляете за собой шлейф из дыма в центре столицы.

— В цепочку вклинилась третья сторона! — министр по-

пытался говорить твердо, но голос сорвался на испуганный фальцет. Он сжал свободную руку в кулак так, что ногти впились в ладонь. — Теракты в Челябинске и Владивостоке не были согласованы со мной! Погибли сотни людей! Александр перекрыл информационное поле.

- Отлично! Теперь в ваших руках пустить по нужному следу Президента, защитить Правление. Вы понимаете цену этого промаха, Министр?

- Да, - судорожно ответил Министр.

В трубке раздались короткие гудки. Смартфон в руке Сергея Степановича погас. Министр сидел в полумраке движущегося автомобиля, уставившись в одну точку. В его глазах застыл дикий, первобытный ужас. Вдруг изнутри, прямо за грудиной, рванула резкая, кинжальная боль. Воздух мгновенно выбило из легких. Левую руку до самых кончиков пальцев сковало глухим, ледяным онемением, а страшная, давящая тяжесть навалилась на грудную клетку, словно на него опустили бетонную плиту.

— Кх-х... — сипло выдавил он, лихорадочно пытаясь растегнуть ворот рубашки.

Перед глазами поплыли серые круги, лицо Министра мгновенно покрылось липким, холодным потом. Задышавшись от жгучей боли, он судорожно полез во внутренний карман кителя. Пальцы плохо слушались, но упрямо нащупали заветный пластиковый блистер. Сергей Степанович выудил таблетку нитроглицерина, хрустнул оболочкой и торопливо

засунул её под язык.

Прошло несколько бесконечных, мучительных минут, прежде чем лекарство подействовало. Жгучие тиски в груди начали медленно, неохотно отпускать. Сердце, до этого бешено ломавшее ребра, выравнило свой ритм. Силы возвращались каплями, оставляя после себя лишь мертвенную бледность на лице и дикую слабость во всем теле. Министр глубоко, осторожно вздохнул и утер со лба холодный пот. Впереди его ждали часы изнурительной работы и поиск выхода из Пасти Дьявола.

Часть вторая. Реакция

Глава 1

Москва утро после атак. Ситуационный Центр. Кабинет Президента.

Возле Президента настойчиво ходил дежурный врач, в очередной раз пытаясь уговорить его принять успокоительное лекарство. Но Александр лишь раздраженно отмахнулся. За эти бесконечные ночные часы его лицо страшно осунулось, глаза затянула тяжелая пелена скорби, нижние веки опухли от бессонницы, а щеки покрылись едва заметной паутинкой новых мелких морщинок. Взгляд главы государства, обычно твердый и пронзительный, сейчас казался обескураженным, загнанным и глубоко обеспокоенным.

Этим утром ему предстояло принять одно из важнейших и самых страшных решений в современной истории. Он понимал, что от его следующего слова будет зависеть дальнейшее существование мироздания. Александр физически ощущал на своих плечах небывалую, удушающую ответственность перед всем человечеством — не только перед гражданами Великой Страны, но и перед жителями всей планеты.

Он знал, что обратной дороги уже не будет. Знал, что для одних он навсегда останется героем, а для других — изго-

ем, безумцем и палачом. Его неизбежно станут сравнивать с великими и страшными фигурами прошлого, но сам он никогда не искал этой участи. И тем не менее... предпринять ответный удар было необходимо. Честь и безопасность государства требовали возмездия.

С шести часов утра в Ситуационный центр непрерывным потоком начали поступать первые серьезные разведданные со всех уголков страны и мира. Дружественные государства без утайки передавали всю известную им информацию, а отечественные спецслужбы подняли на ноги абсолютно всех сотрудников, каких только могли разыскать. Паук вышел на охоту. Но, вопреки колоссальным усилиям, узнать хоть что-то конкретное и осязаемое практически не получалось. Диверсионная операция была законспирирована на запредельном уровне.

Аналитикам ГРУ и ФСБ удалось выяснить лишь общие контуры заговора. Кто непосредственно стоял за атаками выяснить не удалось. Спецназовцы и военные не сумели по горячим следам задержать виновных. Одно было ясно, за атаки стояли лучшие обученные и экипированные наёмники со всего света. А ещё некая организация, в распоряжении которой имелись огромные финансовые богатства на закупку новейшего вооружения, идеальную подделку правительственных документов, подкуп чиновников высшего эшелона и полная смена личностей исполнителей.

Министр обороны Сергей Степанович всё это время раз-

вивал бурную деятельность. Он провел ряд экстренных полевых совещаний, лично обрабатывал поступающую из штабов информацию и демонстрировал Президенту абсолютную преданность. Однако за это время он несколько раз тайно отлучался из Ситуационного центра якобы по неотложным делам своего ведомства.

Оказавшись в закрытом секторе, Министр достал одноразовый телефон и набрал доверенного человека из тюремного ведомства.

— Здравствуйте, — не представляясь, глухо произнес Сергей Степанович в трубку. — Мне нужно, чтобы вы незамедлительно доставили на границу с Монголией, в район Белой Горы, пять заключенных. Мне абсолютно неважно, как они будут выглядеть и кем были до этого. Это секретная миссия государственной важности. Или мне напомнить вам о вашем долге перед ведомством и лично передо мной?.. Тот же! У этих смертников должны быть при себе оригиналы материалов, которые вы получили сегодня ночью: оружие западного образца, подробные планы отхода и электронный кошелек с биткоидами. Всё понятно? У вас есть ровно два часа. Выполните — и мы в расчете.

Министр отключился, точным движением вытащил сим-карту из телефона и затравленно огляделся. Убедившись, что коридор пуст и никто не слышал этого разговора, он уничтожил карту и уверенной походкой вернулся в зал командования.

Ровно через полчаса Сергей Степанович разыграл перед Генеральным штабом идеальный спектакль. Сделав вид, будто ему только что поступили экстренные оперативные данные от агентуры, он сфабриковал зацепку о прорыве террористов и лично направил отряд армейского спецназа к Белой Горе — задерживать подготовленных им «призраков».

Глава государства изучал материалы дела в своем кабинете. Напротив, расположились двое: генерал-полковник Маркар Дмитриевич и его лучший оперативник — Егор Марков. Накануне Марков оказался в самом эпицентре трагедии, случившейся в театре «Виктория», и лично вытаскивал людей из-под удара. Теперь он сидел в святой святых Кремля. Несмотря на внушительный список глубоких операций за плечами, в этот кабинет оперативника привели впервые.

Утром за ним прислали глухо тонированную машину. Всю дорогу до Кремля молчали — лишние разговоры в их ведомстве не поощрялись. На объекте Маркова перехватил генерал-полковник. На ходу вводя бойца в курс дела, он коротко отрезал: в этот кризисный момент Президент может доверять только им. Их связывали десятилетия оперативного прошлого, где они с Александром Алексеевичем не раз прикрывали друг другу спины. Позже один ушел наверх по армейской линии, а второй выстроил политическую вертикаль. Спустя годы этот негласный союз оставался монолитным.

— Господин Президент, позвольте представить: мой личный помощник и лучший оперативник ведомства — Егор

Марков, — генерал-полковник коротко кивнул в сторону бойца. — Вчера он по воле случая оказался в самом эпицентре теракта. Лично координировал эвакуацию, зачищал сектор и видел нападавших в лицо. Пусть доложит сам, без испорченного телефона.

— Хорошо, Макар Дмитриевич. Рад, что ты так быстро приехал, — Президент устало потер переносицу и жестом велел им сесть. — Ситуация критическая, я больше не могу доверять собственному аппарату. Пять синхронных терактов проспали под самым нашим носом. Это не просто провал спецслужб, Макар, это системное предательство. Мне нужна твоя независимая оценка. Поможешь?

- Конечно, именно за этим мы и здесь. Марков приступит.

— Это мой долг, господин Президент. Позвольте доложить.

Марков выпрямился, его голос звучал ровно и сухо.

— Вчера, в двадцать тридцать по Москве. Первый взрыв произошёл прямо на сцене театра «Виктория». Из-за секундной заминки зала паника поднялась не сразу, когда музыканты на сцене попали под осколки, толпа хлынула к выходам. В этот момент из глубины зала дали отсечку короткими очередями из автомата. Зрители залегли. Следом сработал второй заряд. Пользуясь дымовой завесой и хаосом, стрелки сбросили оружие и технично растворились в бегущей массе.

Оперативник сделал секундную паузу, сверяясь с хронологией в памяти.

— Я перехватил инициативу на себя, организовал коридор эвакуации и начал вытаскивать раненых. В этот момент прогремел третий взрыв, судя по звуку — несущие конструкции. В двадцать один ноль-ноль началось обрушение кровли, к двадцати одному десяти крыша рухнула полностью. Внутри оставались заблокированные люди. Скоординировавшись с прибывшим нарядом военной полиции, мы пробились к подземной парковке и сумели эвакуировать еще около десятка гражданских. К двадцати одному сорока объект был полностью охвачен огнем. Доклад окончен.

Президент молча слушал, подперев подбородок рукой. Марков добавил, понизив голос:

— Мой личный вывод: акция готовилась профессионалами экстра-класса. Схемы закладки СВУ рассчитывались инженерами — заряды детонировали строго в точках максимального урона для здания. На земле работал всего один стрелок, но его огневая позиция и отход были просчитаны до секунды. Мотивы исполнителей пока неясны, но это точно не спонтанный теракт фанатиков. Это почерк регулярных диверсионных групп.

— Наш Егор скромничает, господин Президент, — веско произнес генерал, поворачиваясь к Александру Алексеевичу. — Аналитики позже подтвердили: без его жесткой координации паника бы просто раздавила толпу. Половина зала осталась бы в проходах и на лестничных маршах, остальных бы накрыло на парковке. Парень действовал как настоящий

герой.

— Не надо, Макар Дмитриевич, — негромко, но твердо перебил Егор, сохраняя армейскую выправку. — На моем месте так поступил бы любой офицер.

— Мы уже изучили маршруты обхода. Скорее всего, заряды заложил кто-то из обслуживающего персонала. На подобных объектах вечная текучка: не хватает монтировщиков декораций, техников, разнорабочих. К тому же зимой в театре шел капитальный ремонт. Завезти туда пластида под видом сухих строительных смесей — минутное дело, никто бы и проверять не стал.

Макар Дмитриевич тяжело вздохнул и посмотрел другу прямо в глаза:

— Это точно не покушение на кого-то из музыкантов. Чистый, спланированный акт террора, нацеленный на максимальные жертвы. В зале находилось одна тысяча шестьдесят пять человек. По сводкам на эту минуту — около трехсот сорока погибших. Среди них дети и беременные женщины. И я повторяю: если бы не Егор, эта цифра была бы в разы страшнее.

При этих цифрах Егор внутренне подобрался. Тень ярости промелькнула в глазах, желваки на бледном лице заходили ходуном, а пальцы инстинктивно сжались в кулаки. *«За что? Люди просто пришли на спектакль... Твари».*

Тяжелая ладонь легла ему на плечо. Марков слегка вздрогнул, возвращаясь в реальность.

— Ничего, сынок, — глухо, но грозно произнес Президент. — Ради этих ни в чем не повинных людей мы обязаны вскрыть всю сеть. Стереть их в порошок. Как вы уже знаете, «Виктория» — лишь часть плана. Синхронные удары пришлось по морскому порту Владивостока, закрытому оборонному заводу под Челябинском и международному аэропорту Пулково. Ещё отключили центр связи в Подмоскowie, всех работающих убили на месте. Время детонации единое — двадцать тридцать по Москве. Каждый объект вели профессионалы, тайминг просчитан до секунд. Сейчас оперативные группы на местах замыкают контуры расследования, все шифровки идут на мой личный компьютер.

Александр Алексеевич отошел к столу и оперся на него руками, глядя на карту страны.

— Я подключаю вас к этой игре в обход официальных ведомств. Ситуация критическая. Страна на пороге системного коллапса: на улицах уже беснуются сектанты с плакатами о конце света, в мегаполисах паника. Гражданские штурмуют супермаркеты, выгребают наличку, на выездах из городов — многокилометровые глухие пробки. Нам нужно сбить эту волну истерии, пока она не парализовала госаппарат. Мне нужны жесткие, нестандартные идеи. Что думаете по этому поводу?

Тишину кабинета разрезал резкий зуммер телефона правительственной связи. Президент снял трубку. Он слушал молча, лишь изредка бросая короткие указания и тяжело ки-

вая своим мыслям. Когда трубка легла на рычаг, Александр Алексеевич поднял на гостей потемневший взгляд.

— Министр обороны. Доложил, что на границе с Монголией перехвачена еще одна группа. Якобы при попытке конвоирования они устроили бунт и были ликвидированы на месте, успев перед смертью во всем признаться... — Президент горько усмехнулся. — Слишком уж гладко у него всё выходит, Макар. Свидетели гибнут один за другим, не доезжая до допроса. Не в службу, а в дружбу: возьми министра в глубокую разработку. Он ведет двойную игру и что-то от нас скрывает.

Генерал-полковник нахмурился, обдумывая приказ. Президент поднялся с кресла и заходил по кабинету:

— В последнее время он сам не свой. Постоянно нагнетал обстановку, приносил мне закрытые соцопросы, твердил о падении моих рейтингов и о том, что народ теряет доверие. Занимался пораженчеством, намекал, что до выборов осталось всего два месяца, а на горизонте появляются новые, молодые кандидаты с сильной повесткой... А теперь — эти синхронные теракты по всей стране. Это не просто совпадение, Макар. Это попытка дестабилизировать режим и расчистить дорогу к власти.

— Вообще-то, информация от министра сыграет нам на руку, — негромко произнес Егор, и в его голосе проступил холодный расчет аналитика. — Вы сможете публично отчитаться о наказании виновных. В то, что оборонное ведомство

перехватило реальных организаторов, верится с трудом, но пусть пресса преподнесет это именно так. Пока официальные структуры будут отрабатывать ложный след, мы начнем искать настоящих врагов.

Марков сделал шаг к столу, удерживая взгляд Президента.

— Мои контакты в разведслужбах союзников подтверждают: за последние полгода по их каналам не проходило никакой подозрительной активности. Значит, сеть глубоко законспирирована и копать придется во внутреннем контуре. Что касается паники среди населения... Давайте скорим толпе красивую картинку. Нажмите на «красную кнопку», Александр Алексеевич. Пр продемонстрируйте удар возмездия. Пусть ракеты эффектно разнесут пустой квадрат в океане под предлогом уничтожения вражеской подлодки. Людям нужно зрелище, чтобы успокоиться, а нам — тишина, чтобы начать реальное расследование. Вам придется сделать этот шаг, господин Президент. Но о том, что это фикция, должны знать только трое в этой комнате.

— Отличная мысль, Егор, — Президент одобрительно кивнул Маркову, и на его лице впервые за день появилась жесткая, уверенная улыбка. — Значит, решено. Мне нужно срочно подготовить экстренное обращение к нации. Вы двое разворачивайте штаб прямо здесь. Если что-то понадобится — мои помощники в вашем полном распоряжении. Дам команду, чтобы перед вами отчитывались без задержек. А я пошел писать речь.

Глава государства крепко, по-мужски пожал руку генералу, затем Маркову и быстрыми шагами направился к дверям малого кабинета.

— Хорошо, Саша, спасибо, — негромко произнес ему вслед генерал-полковник. — Удачи. Будь на связи.

Президент стремительно удалился в закрытый сектор аппарата. За закрытыми дверями он сделал несколько конфиденциальных звонков по шифрованной линии связи, после чего в сопровождении личной охраны проследовал в медиацентр Кремля. В студии правительственных трансляций уже царил нервная суeta: операторы настраивали свет, звукорежиссёры проверяли каналы, а федеральные СМИ в спешном порядке перекраивали сетку вещания.

Ровно в двенадцать ноль-ноль Александр Алексеевич должен был выйти в прямой эфир. До обращения к нации оставались считанные минуты — минуты перед заявлением, которому суждено взорвать мировые ленты новостей и навсегда изменить геополитический расклад.

Глава 2

Псков. Семья Виты. "Маленький Рай".

Наконец-то наступила пятница — конец очередной рабочей недели. Можно было выдохнуть и набрать полные лёгкие воздуха, ведь впереди ждали длинные выходные. Вита «обожала» субботу и воскресенье: порой после такого отдыха будни казались сладким мёдом. Дети были её Вселенной, но они же медленно и верно сводили её с ума. Впрочем, несмотря на весь домашний хаос, она безумно любила их. Дети оставались самым большим сокровищем в её тихой, размеренной жизни.

Этим вечером всё прошло по идеальному сценарию. Они успели прогуляться по старым улочкам Пскова, поиграть на детской площадке, съесть дома по пирожному и почитать сказки на ночь. Наконец маленькие кровососы были уложены спать, и Вита вернулась в гостиную, совмещённую со спальней, где её уже ждал муж.

Олег подготовился на славу: поставил на маленький столик вино, нарезку дорогого сыра, рулетики из красной рыбы и зажёл свечи. На экране телевизора уже светилась заставка романтического фильма, подобранного на одном из сайтов. Это был обычный пятничный вечер, каких в их жизни было множество и планировалось ещё столько же — спокойный, милый, наполненный уютом, гармонией и редкой возможно-

стью побыть наедине друг с другом. В последнее время им удавалось это всё реже и реже.

Вита чувствовала себя абсолютно счастливой в этом маленьком мирке, который они с Олегом создавали шаг за шагом, день за днём. Всего два года назад они переехали из крошечной однокомнатной квартирки на самом отшибе города в новый современный комплекс. Тогда они твёрдо решили: если и влезать в огромную ипотеку и связывать себя обязательствами, то один раз и на всю жизнь. Семья выбрала лучшее из возможного — шикарную четырёхкомнатную квартиру с личным закрытым гаражом в цокольном этаже и охраняемым двором, где дети могли спокойно бегать без присмотра взрослых.

Они искренне гордились этим приобретением. Олег успешно работал финансовым аналитиком, Вита — флористом и дизайнером интерьеров. Заказов у обоих было море, так что дорогое жильё окупалось с лёгкостью, не обременяя семейный бюджет.

Вита с улыбкой опустилась на диван, поджав под себя ноги. Олег по-хозяйски разлил по бокалам рубиновое вино, протянул один ей и негромко чокнулся. Пламя свечей уютно дрожало, отражаясь в стекле. Муж нажал на пульте кнопку «Play», и фильм, транслировавшийся через интернет, плавно побежал по экрану. На часах было ровно 20:29.

На экране как раз разворачивалась завязка сюжета, Вита сделала первый глоток, наслаждаясь терпким вкусом, как

вдруг картинка на телевизоре замерла. На середине кадра возникло серое крутящееся колесико загрузки.

— Ну вот, опять провайдер барахлит, — беззлобно проворчал Олег, направляя пульт на роутер. — Две секунды, милая, сейчас перезагружу страницу.

Он обновил плеер, но экран мгновенно окрасился в черный цвет. Вместо фильма появилась сухая системная надпись: *«Ошибка соединения. Проверьте подключение к сети»*.

Олег удивленно хмыкнул, достал из кармана смартфон и быстро провел пальцем по экрану. Интернет на телефоне тоже не работал. Более того, Вита заметила, как на её собственном мобильном, лежавшем на столике, полоски уровня сигнала стремительно упали до нуля, а рядом загорелся злоеущий значок: *«Только экстренные вызовы»*.

— Странно — Олег нахмурился, его профессиональная привычка анализировать детали тут же дала о себе знать. — Чтобы одновременно легли и домашний кабель, и сотовые вышки всех операторов? Такого у нас в Пскове еще не бывало. Похоже на крупную аварию.

— Думаешь, подстанцию где-то выбило? — тихо спросила Вита. В этот момент уютный полумрак спальни уже не казался ей таким милым. По дому поползла странная, давящая тишина. Смартфоны, которые обычно ежеминутно вибрировали от уведомлений и сообщений из чатов, теперь лежали как бесполезные куски пластика.

— Скорее всего, — Олег поднялся с дивана и подошел к

окну, отодвинув тяжелую портьеру. — Но свет в домах напротив горит. Смотри, во дворе у всех окна светятся. Значит, электричество есть. Просто временно отрубил связь. Починят к утру, не переживай. Давай вместо кино наше семейное видео посмотрим? Оно на жестком диске записано, интернет для этого не нужен.

— Отличная идея, — улыбнулась Вита, и поползшая по дому давящая тишина тут же отступила.

Олег кликнул пультом, и на большом экране замелькали кадры пятилетней давности. Их маленькая, залитая солнцем однокомнатная квартирка на окраине Пскова. На видео Олег, еще совсем молодой, со смешным растрепанным вихром, неумело качал на руках новорожденного первенца, а Вита в забавном домашнем халате устало, но счастливо улыбалась в кадр. На полу у дивана громоздились рулоны обоев и коробки — они тогда только затеяли свой первый, копейный ремонт, считая каждую тысячу рублей. Позже пошли кадры из их поездки на Чудское озеро: палатки, шашлыки, брызги воды и залиvistый детский смех.

Перебирая эти воспоминания, они незаметно допили вино и обнявшись уснули прямо на диване, убаюканные мирным прошлым. Они еще не знали, что ровно в 20:30 подмосковный центр связи перестал существовать, а за окном, со стороны военного аэродрома в Крестах, в ночное небо один за другим уходили тяжелые транспортные самолеты псковских десантников, поднятых по боевой тревоге.

Солнечные лучи ворвались в спальню, возвещая о наступлении субботы. Вита сладко растянулась в кровати, повернулась к мужу и нежно улыбнулась. Прильнув к его теплому плечу, она запечатлела на его губах легкий поцелуй, после чего тихо встала и направилась в ванную — умыться и приводить себя в порядок. Олег с нескрываемым обожанием смотрел ей вслед. Даже спустя десять лет брака эта женщина вызывала в нём жгучее желание и бесконечное восхищение.

Из гостиной уже доносились голоса проснувшихся детей — они увлеченно играли, не нарушая утреннего покоя родителей. Вита быстро накрыла на стол семейный завтрак и на секунду замерла у большого кухонного окна, глядя на просыпающийся город.

Снег во дворе уже полностью сошел. На линиях теплотрасс сочной полосой пробивалась первая зеленая травка. Старые деревья жадно питались талой водой, набираясь скрытых сил, чтобы совсем скоро снова распуститься пушистыми шапками листвы, зашелестеть под теплым ветром и наполнить воздух неповторимым ароматом весенней свежести. Сквозь просыпающиеся ветви деревьев синело чистое, высокое голубое небо. Редкие легкие облака на самом горизонте медленно плыли по своим делам, растворяясь в никуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.